

Золотое Яблоко

13 апреля, 1945, дождь.

В Берлине шел дождь.

На лицах всех людей была такая же тьма, как в небе над городом.

Издали приходили тяжелые вести. После ожесточенных боев на улицах Вена все же попала в руки Советов. В то же время пал Кенигсберг, эти белые медведи наконец воплотили в жизнь мечту, чего они не могли достичь несколько веков – они захватили столицу Восточной Пруссии.

С восточного фронта давно не было ничего хорошего. То же самое было на западе.

Все понимали, что это был конец для Рейха.

Как солдат, я прошу прощения за такие комментарии о судьбе Рейха, но как муж, возможно, в будущем отец, я бы хотел, чтобы первыми в Берлин вступили американцы.

Боже, что я говорю?

...

14 апреля, туман.

В городе туманно. Надеюсь, скоро будет солнечно.

Были хорошие новости. С обоих фронтов новых плохих вестей не было.

Лучше этого ничего не было. Но все знали – это тишина перед бурей.

Утром я получил приказ на смену дислокации.

Я должен сказать, что этот момент наконец наступил? Пусть я и человек из офиса, мне нужно взять ружье и пролить свою кровь за судьбу Третьего Рейха?

Дела шли не так, как я запланировал, никогда не угадаете, кого я увидел!

Я увидел нашего великолепного лидера в подвале президентского здания в Берлине!

Я не могу описать свое восхищение. Я очень давно не слышал такой вдохновляющей речи. Многие говорили, что он сбежал вместе со своей любовницей, но в этот момент подтвердилось, что все это – ложь. Он все еще был в Берлине! Он все еще был с нами.

Пусть его лицо было усталым по сравнению с прошлым разом, его голос все еще был прекрасным.

Он говорил со мной полчаса, расспросив меня о многих вещах. Было невероятно поверить, что такое пустое место, как я, получил шанс встретиться с ним. Я сидел лицом к лицу с самим...и говорил о истории Берлина.

Когда разговор был завершен, он спросил меня о моей верности.

Я ответил.

«Если я вам нужен, я могу прямо сейчас умереть за вас. Неважно, за западе или на востоке».

Он ответил.

«Не смерть, у меня для тебя есть более важная миссия».

Мне трудно было поверить, но он сам лично отдал мне железный крест.

Я чувствовал нервозность. В армии я ничего не достиг, я даже не солдат на линии фронта. Что во мне такого, чтобы быть удостоенным такой чести?

Но его слова уничтожили все мои колебания.

«Если ты выполнишь миссию, которую я тебе дам, твой вклад в существование Третьего Рейха будет оправдан этой наградой».

Я взял запертый портфель, который он мне передал.

Затем меня увели из подвала.

Мне даже не дали увидеть мою жену и дочь, меня посадили на самолет до Норвегии.

Если честно, в последний раз я видеть и не хотел. Потому что у меня уже было чувство, что это путешествие в один конец.

...

15 апреля, солнце.

Возможно, какое-то время я не буду писать погоду в дневнике.

На борту U-234 мы всплыли из глубин океана и через множество промежуточных пунктов направились к главной цели – Японии.

В тот момент, когда я ступил на борт подлодки, я понял, насколько все было серьезно.

Включая меня, на борту было 14 человек. Все они были важными людьми, минимум – сержант. Если бы не железный крест, я даже не знаю, смотрели бы они на меня как на человека. Но интересно – никто не смотрел на награды на моей груди, всех больше интересовал портфель в моих руках.

Согласно этикету, все представились. Командующий военно-воздушными силами, полковник наземной силы, специалист по морским суднам... Я всего лишь занимался коммуникациями.

Боже, это же элита Рейха, почему они здесь? Я сидел с ними на борту подлодки, мы плыли, чтобы выполнить миссию по отправке «сообщения»...

...

20 апреля.

Судя по словам капитана, мы направляемся в южную Атлантику.

Мы были в море, и кто-то наконец решился описать детали миссии.

На борту этой подлодки были самые лучшие достижения военной технологии Третьего Рейха – ракеты V2, ракетный двигатель «Джанке», зарисовки, связанные с танками «Тигр» и т.д.

Образцы этого оружия должны были быть доставлены в Японию.

Информации о десяти баррелях не было даже у капитана. Он просто сказал, что это какой-то редкий материал для какого-то особого оружия.

Было тихо. Люди перешептывались, спали, чтобы убить время. Единственным человеком, который хотел говорить со мной, был ядерный физик по имени Фабиан. Пусть я и не особо в этом разбирался, это не мешало нашей дружбе.

Он сказал, что в этой атмосфере только общающиеся люди могут сохранить себе разум. Я с ним согласился. Когда я не веду дневник, мы просто разговариваем.

...

22 апреля.

Сегодня мы говорили о ядерной физике, хотя я абсолютно без понятия, что это.

U-235. Зловещий набор буквы и цифр. Сокращение от «уран 235».

Я не знал, что это означает, я просто слушал его слова. Это – вещество, с помощью которого можно было сделать мощную бомбу. Он загадочно мне сказал, что, если мы доставим 10 баррелей урана в Японию, мы можем изменить историю.

Я фыркнул, я знал, что даже на поле боя несколько бомб ничего не изменят. Если бы было так, мы бы давно уже выиграли. Мы послали 10 тысяч бомб в Лондон.

«Но эта бомба была бы другой».

«Да? Что насчет ракет V2?»

Фабиан рассмеялся.

«Это сравнимо с объединением всех ракет V2 и ракет из Лондона».

Окей, теперь я думаю, что он немного сошел с ума.

...

4 мая.

Ситуация ухудшается.

Станция «Голиаф», которая обеспечивала нас сигналом и связью с внешним миром, внезапно замолчала. То же самое произошло с главной морской станцией в Берлине.

Мы все еще получали телеграммы, и мы знали, что происходило самое ужасное.

Германия уже объявила о капитуляции, командующий флотом Данниц приказал всем ядерным

подлодкам всплыть на поверхность, поднять белый флаг и сдаться силам Союзников.

Все замолчали.

Кто-то предположил, что это может быть слухом, пущенным специально для разведки Союзников. Но кто-то сказал, что, быть может, это и было причиной нашего отплытия – положение Берлина.

Со-капитан сказал, что тишина в эфире – это подтверждение информации. Но капитан не согласился и приказал продолжать путь.

U-235 не является частью морских сил, так как у нее миссия прямо от лидера, значит, мы не должны были слушать Данница. Цель – Токио.

Независимо ни от чего, лодка продолжает свой путь. Но я мог чувствовать, что не всем это нравилось, в том числе и самому капитану.

...

10 мая.

Мы только прошли мимо Аргентины и вошли в Тихий океан через самую южную точку Америки.

Сейчас мы уже должны были сбежать от преследования Союзников.

Никто не чувствовал из-за этого радость.

Германия уже окружена, но мы – солдаты Германии, есть ли для нас смысл сражаться?

Может, мы должны каким-нибудь кораблям Союзников поблизости, если это не британцы, то американцы пустят нас домой. Мы не совершили никаких преступлений, с момента отплытия мы не выпустили ни одной торпеды.

...

11 мая.

Произошло еще кое-что, но не в открытом мире, а на борту подлодки.

Кое-кто умер. Это был лейтенант Берtrand. Он выпил слишком много снотворного. Самоубийство.

...

14 мая.

Я пишу это, а Фабиан уже сошел с ума. Он постоянно что-то бормочет.

Я не понимаю этих безумных слов. «Это не физика», «мы с самого начала совершили ошибку», «это не частица, нет, это даже не материально», «не то чтобы современная технология не могла поймать это, оно даже не существует».

Он нашел меня и признался, что у него ключ, он умолял меня достать портфель.

Я отказал, миссией была его доставка в Токио, до этого никто не мог его открыть.

Видя, что я не поддамся, он решил не настаивать.

...

1 июня.

Мы должны были прибыть в Окинаву 10 дней назад, чтобы затем отправиться по безопасному маршруту к Токио.

Но произошел несчастный случай.

Когда мы оказались на юге Тихого океана, у нас установилась радио-тишина, но поприветствовали нас не силы Японии, а американцы.

Бок подлодки был поврежден, но нам удалось уйти.

По-видимому, Япония проиграла. К сожалению, Окинава, должно быть, была уже в чужих руках.

...

2 июня.

Капитан нашел Фабиана.

«Если бы мы отправили 520 кг урана в Токио, это могло бы изменить войну?»

Фабиан прямо не ответил.

«Даже если США потеряли бы Нью-Йорк на месяц, изменило бы это войну?»

Капитан промолчал. Все знали, что сейчас изменить ситуацию было невозможно.

«А этот портфель?»

Фабиан покачал головой.

«Слишком поздно».

...

4 июня.

Чтобы избежать попадания в зону поисковых самолетов, нам пришлось изменить курс к Новой Зеландии.

Кто-то сказал, что на корабле было достаточно припасов. Может, нам стоит найти маленький островок и прожить там до конца наших дней.

Кто-то другой не согласился. Никто не совершал военных преступлений, у большинства были семьи, они думали об их безопасности.

Наконец Союзники приняли решение за нас.

Недалеко от острова Большой Барьер нас окружили три судна.

Должны ли мы сдаться или же сражаться до смерти?

К моему удивлению, капитан спросил у меня – он не говорил со мной с момента посадки.

Если честно, у меня была прекрасная жена и очаровательная дочь. Я не хотел умирать, я чувствовал вину из-за креста, который висел на моей груди, но я сказал, что хочу сдаться.

Капитан в ответ на мои слова облегченно выдохнул.

Тяжелый вес упал с его плеч, он даже сказал мне «спасибо».

...

5 июня.

Внезапное восстание.

Капитан погиб – застрелен.

Фабиан убил себя.

На борту осталось 7 человек. Помимо меня, остальные были военными преступниками. Кто-то предложил казнить меня, потому что я предал волю нашего лидера. Но кто-то другой сказал, что это необязательно, меня можно просто запереть.

Люди, которые не хотели сдаваться, предложили залечь в заливе Хуераки, идя противоположным путем от поисковой команды.

К счастью, мы нашли траншею возле порта Джексон. Пока мы прячемся здесь, нас никто не найдет.

Припасов достаточно, чтобы продержаться до конца года, когда это время закончится, мы отправимся в Австралию и будем жить анонимно.

...

Это был конец записей в дневнике.

На последней странице был карандашный набросок железного креста, последняя запись – курсив, который иногда появлялся в самом начале. С помощью переводчика Цзян Чэнь прочитал последнюю, завершающую строчку.

U-235, которая была последней надеждой Третьего Рейха, навеки утонула в этой траншее, в дневнике не было пометки, почему это произошло. Но Цзян Чэнь понял, что человек по имени Элиас все же открыл портфель.

Иначе дневник не оказался бы внутри.

Основываясь на полученной информации, Цзян Чэнь мог предположить, что он знал, что стало концом. Надеждой Гитлера был его ненадежный союзник на востоке, на которого он поставил все. Он отправил все достижения науки Третьего Рейха, даже передатчик для «общения с

пришельцами».

Но U-235 не сумела повернуть колесо истории.

2 месяца спустя США завершили войну двумя ядерными бомбами.

«Ты знаешь, что это за шар?» Лин Лин глубоко вдохнула, пытаясь обследовать шар из контейнера.

«Что?» Цзян Чэнь мог чувствовать, что это было как-то связано с той невероятной технологией, которую создали немцы.

И это «помогите», должно быть, было послано людям из «будущего».

«Передачик частиц Кляйна», Лин Лин указала на мелкие буквы на поверхности шара. «Пусть и грубо сделанный, он может отправлять волны частиц, но это довольно бесполезно – отправлять их в космос».

«Что в этом особенного?»

«Помнишь, что я говорила тебе раньше? Каждое созданное из углерода существо обладает небольшим количеством частиц Кляйна, и они обычно хранятся в мозге».

«И?» Цзян Чэнь начал кое-что осознавать, по его спине побежал холодок.

Лин Лин выдохнула.

«Весь металлический шар целиком создан из экстракта, это – искусственно созданный кристалл...из мозгов десяти тысяч человек».

10 тысяч человек...

Только чтобы отправить слово «помогите», которое никто никогда услышать не мог.

«Это безумно».

«И что шокирует меня больше всего, это не количество жизней», Лин Лин сделала паузу. «Координаты получения сообщения - пустота».

«Пустота?»

«Если просто, то это место за червоточиной, где пространство, время и все физические законы просто не существуют».

«Значит...»

«Ты помнишь историю, которую я тебе рассказывала, о шести колонизационных кораблях? Три из них отправились в червоточину».